

MENSUEL
300 fr.

CAHIERS PERIODIQUES
(96e cahier, Décembre 1959)

ВОЗРОЖДЕНИЕ

«LA RENAISSANCE»

*Литературно-политическія
тетради*

ТЕТРАДЬ ДЕВЯНОСТО ШЕСТАЯ
Декабрь 1959 года

А. П. ЧЕХОВ. — К СТОЛѢТІЮ СО ДНЯ РОЖДЕНІЯ.

Фотографія. 1890.

PARIS
73, av. des Champs-Élysées. (VIIIe)
Tél.: ELYsées 06-03

Мысли А. П. Чехова о литераторах и литературѣ

Чехов, как извѣстно, не опубликовал ни одной литературно-критической статьи, но в многочисленных письмах, как к литераторам, так и к близким и друзьям, он охотно высказывал свои литературныя сужденія. Эти сужденія в высшей степени интересны, а для начинающих беллетристов и драматургов могли бы быть и школой мастерства высокаго слова.

Чехов с большой благожелательностью относился к молодым писателям; он внимательно прочитывал их произведенія и всегда помогал автору своими совѣтами; а нѣкоторых, современных ему, литературных критиков он сурово осуждал за недопустимый тон их рецензій: "Вѣдь это не критика, не міровоззрѣніе, а ненависть, животная, ненасытная злоба. Зачѣм этот тон, точно судят не о художниках и писателях, а об арестантах", возмущался он.

Не соглашался Чехов и с неискренностью критиков. А. Н. Плещееву в мартѣ 1888 г., он писал: "Читал сегодня Аристархова в "Русских Вѣдомостях". Какое лакейство перед именами и какое отечески снисходительное бормотанье, когда дѣло касается начинающих. Всѣ эти критики — подхалимы и трусы: они боятся и хвалить и бранить, а кружатся в какой-то жалкой серединѣ. А главное не вѣрят себѣ..."

В письмѣ А. Н. Плещееву от 25 октября, говоря о пушкинской преміи, полученной им от Академіи Наук в размѣрѣ 500 рублей (пополам с Короленко) за сборник рассказов "В сумерках", Чехов негодует, ... "Теперь о зависти. Если премію мнѣ дали в самом дѣлѣ не по заслугам, то и зависть, которую она возбуждает, свободна от правды. Завидовать и досадовать имѣют нравственное право тѣ, кто лучше меня или идет рядом со мной, но отнюдь не тѣ господа Леманы и К-о, для которых я собственным лбом пробил дорогу к толстым журналам и к этой же преміи. Эти с. с. должны радоваться, а не завидовать. У них ни патріотизма, ни любви к литературѣ, а одно самолюбьишко. Они готовы повѣсить меня и Короленко за успѣх. Будь я и Короленко — гении, спаси мы с ним отечество, создай мы храм Соломонов, то нас возненавидѣли бы еще больше, потому что господа Леманы не видят ни отечества, ни литературы, — все это для них вздор; они замѣчают только чужой успѣх, а остальное хоть травой порости..."

А. С. Суворину Чехов писал: ... "Читаю пропасть. Прочел "Легендарные характеры" Лѣскова. Божественно и пикантно. Соединеніе добродѣтели, благочестія и бауда. Но очень интересно. Прочтите, если не читали. Прочел опять критику Пи-

сареза на Пушкина. Ужасно наивно. Человек развѣнчивает Онѣгина и Татьяну, а Пушкин остается цѣлехонек. Писарев дѣдушка и папенька всѣх нынѣшних критиков, в том числѣ и Буренина. Та же мелочность в развѣнчиваніи, то же холодное и себялюбивое остроуміе и та же грубость и неделикатность по отношенію к людям..."

В письмѣ своему брату, Ал. П. Чехову, А. П. пишет — "... Буренину скажи, что я уполномочил тебя передать ему искреннюю благодарность за его рецензію, которую я сохраню для своего потомства. Передай ему, что рецензію я читал вмѣстѣ с Короленко, который вполне согласен с ним. Рецензія превосходная, но г. Буренину не слѣдовало бы в ложку меда лить бочку дегтю, т. е. хваля меня, смѣяться над мертвым Надсоном..."

О взглядах А. П. Чехова на литературную критику мы узнаем и из воспоминаній его современников, записавших мысли А. П.

"... А сколько погибло цивилизацій и великолѣпных произведеній искусства только потому, что в свое время не было хороших критиков!" — записал брат А. П. Чехова, Михаил Павлович.

На чьи-то жалобы на скуку и тяжесть "серьезных" отдѣлов в толстых журналах Антон Павлович убѣжденно посовѣтовал: "А вы не читайте этих статей. Это же дружеская литература... литература пріятелей. Ее сочиняют господа Краснов, Чернов и Бѣлов. Один напишет статью, другой возразит, а третій примиряет противорѣчія первых. Похоже, как будто они в винт с болваном играют. А зачѣм это все нужно читателю, никто из них себя не спрашивает". (М. Горкій, А. П. Чехов).

Чехов всегда был против какой бы то ни было тенденціозности в искусствѣ и если заходил об этом разговор, то он каждый раз повторял: "И что бы там не болтали, а вѣдь вѣчно лишь то, что художественно".

Чехов ненавидѣл рутину в писаніях. "Что чаще всего встрѣчается в романах: Граф, графиня со слѣдами когда-то бывшей красоты, сосѣд-барон, литератор-либерал, обѣднѣвшій дворянин, музыкант-иностранец. Лица некрасивыя, но симпатичныя и привлекательныя. Герой спасающій героиню от взбѣшенной лошади.

Высь поднебесная, даль непроглядная, необъятная... непонятная, одним словом природа!!!

Бѣлокурые друзья и рыжіе враги. Богатый дядя, либерал или консерватор, смотря по обстоятельствам.

Тетка в Тамбовѣ.

Доктор с озабоченным лицом, подающій надежду на кризис; часто имѣет палку с набалдашником и лысину. Неизбѣжный совѣтъ ѣхать на воды.

Слуга — служившій еще старым господам, готовый за господь лѣзть куда угодно, хоть в огонь. Остряк замѣчательный.

Подмосковная дача и заложенное имѣніе на югѣ.

Портфель из русской кожи, китайскій фарфор, англійское сѣдло, револьвер, не дающій осѣчки, орден в петличкѣ, ананасы, шампанское, трюфели и устрицы. Нечаянное подслушиваніе, как причина великих откровеній. Безчисленное множество междометій и попыток употребить кстати техническое слово.

Очень часто отсутствіе конца.

А. П. Чехов среди своей семьи

Семь смертных грѣхов в началѣ и свадьба в концѣ. Конецъ."

Своему брату, писателю, Ал. П. Чехову Антон Павлович отвѣтил: "...«Город будущаго» — тема великолѣпная как по своей новизнѣ, так и по интересности. Думаю, что если не полѣнишься, напишешь недурно, но вѣдь ты, черт тебя знает, какой лѣнтый. «Город будущаго» выйдет художественным произведеніем только при слѣдующих условіях: 1) отсутствіе про-
длинновенных словоизверженій политико-соціально-экономического свойства; 2) объективность сплошная; 3) правдивость в описаніи дѣйствующих лиц и предметов; 4) сугубая краткость; 5) смѣлость и оригинальность; бѣги от шаблона; 6) сердечность.

По моему мнѣнію описанія природы должны быть весьма кратки и имѣть характер à propos. Общія мѣста вродѣ: "заходящее солнце, купаясь в волнах темнѣвшаго моря, заливало багровым золотом" и проч. "Ласточки, летая над поверхностью воды весело чирикали", — такія общія мѣста надо бросить. В описаніях природы надо хвататься за мелкія частности, чтобы по прочтеніи, когда закроешь глаза, давалась картина. Например, у тебя получится лунная ночь, если ты напишешь, что на мельничной плотинѣ яркой звѣздочкой мелькало стеклышко от разбитой бутылки и покатила шаром черная тѣнь собаки или волка и т. д.

В сферѣ психики тоже частности. Храни Бог от общих мѣст. Лучше всего избѣгать описывать душевное состояніе героев, нужно стараться, чтобы оно было понятно из дѣйствій героев..."

Язык прозы, говорил Чехов, должен быть таким же точным и музыкальным, как и язык поэзіи: "... лермонтовская "Тамань" и пушкинская "Капитанская дочка"... прямо доказывают тѣсное родство сочнаго русскаго стиха с изящной прозой".

В рассказѣ Л. А. Авиловой, Чехов отмѣчает: "Ваши герои как-то ужасно спѣшат. Выкиньте слова "идеал" и "порыв". Ну их!... Вот мой Вам читательскій совѣтъ. Когда изображаете горемяк и безталанных и хотите разжалобить читателя, то старайтесь быть холоднѣе — это дает чужому горю как бы фон, на котором оно рисуется реальнѣе. А то у Вас и герои плачут и Вы вздыхаете. Да, будьте холодны..."

А через нѣсколько дней Чехов уточнил Л. А. Авиловой свои слова о холодности в писаніях: "... Да. Как-то писал я Вам, что надо быть равнодушным, когда пишешь жалостные рассказы. И Вы меня не поняли. Над рассказами можно и плакать и стенать, можно страдать заодно со своими героями, но, полагаю, нужно это дѣлать так, чтобы читатель не замѣтил. Чѣм объективнѣе, тѣм сильнѣе выходит впечатлѣніе. Вот что я хотѣлъ сказать".

Разсуждая о писательской саморекламѣ А. П. писал П. В. Быкову: "... Я знаю цѣну рекламы и не против нея, но для литератора скромность и литературные приемы в отношеніях к читателю и товарищам составляют самую лучшую и вѣрную рекламу"

А как интересно письмо Чехова А. С. Суворину от 25 ноября 1892 года. В этом письмѣ он сѣтует на безидейность современных ему писателей, на их косность, на их неумѣнье "опьянить" читателя. Чехов пишет: "...Вас нетрудно понять и Вы напрасно браните себя за то, что неясно выражаетесь. Вы отдавая должное лимонаду, справедливо замѣчаете, что в нем нѣтъ спирта. В наших произведеніях нѣтъ именно алкоголя, который бы пьянил и поработал, и это Вы хорошо даете понять... Скажите по совѣсти, кто из моих сверстников, т. е. людей в возрастѣ 30-45 лѣтъ, дал міру хоть одну каплю алкоголя? Развѣ Короленко, Надсон и всѣ нынѣшніе драматурги не лимонад? Развѣ картины Рѣпина или Шишкина кружили Вам голову?

Мило, талантливо. Вы восхищаетесь и в то же время не можете забыть, что Вам хочется курить. Наука и техника переживают теперь великое время, для нашего же брата это время рыхлое, кислое, скучное, сами мы кислы и скучны, умѣем рождать только гуттаперчивых мальчиков. Причина тут не в глупости нашей, не в бездарности и не в наглости, как думает Буренин, а в болѣзненности. У нас нѣтъ "чего-то"... Помните, что писатели, которых мы называем вѣчными или просто хорошими и которые пьянят, имѣют один общій и весьма важный признак: они куда-то идут и Вас зовут туда же, и Вы чувствуете не умом, а всѣм своим существом, что у них есть какая-то цѣль, как у тѣни отца Гамлета, которая недаром приходила и тревожила воображеніе... Лучшіе из них реальны и пишут жизнь такою, какая она есть, но оттого, что каждая строчка пропитана, как соком, сознанием цѣли, Вы, кромѣ жизни, какая есть, чувствуете еще ту жизнь, какая должна быть, и это плѣняет Вас. А мы? Мы! Мы пишем жизнь такою, какая она есть, а дальше — ни тпру ни-ну... Кто ничего не хочет, ни на что не надѣется и ничего не боится, тот не может быть художником... Вы и Григорович находите, что я умен. Да, я умен по крайней мѣрѣ настолько, чтобы не скрывать от себя своей болѣзни и не лгать себѣ и не прикрывать своей пустоты чужими лоскутьями вродѣ идей 60-х годов и т. п...

Ну-с, теперь об умѣ. Григорович думает, что ум может пересилить талант. Байрон был умен, как сто чертей, однако же талант его уцѣлѣл. Если мнѣ скажут, что Икс понес чепуху оттого, что ум у него пересилил талант, или наоборот, то я скажу: это значит, что у Икса не было ни ума, ни таланта..."

Несмотря на преклоненіе Чехова перед Толстым как художником, он очень критически относится к сужденіям Толстого об искусствѣ — "...Судя по выдержкѣ, напечатанной в "Новом Времени", статья Льва Николаевича об искусствѣ не представляется интересной. Все это старо. Говорить об искусствѣ, что оно одряхлѣло, вошло в тупой переулочок, что оно не то, чѣм должно быть, и проч. и проч., это все равно что говорить, что желаніе ѣсть и пить устарѣло, отжило и не то, что нужно. Конечно, голод старая штука, в желаніи ѣсть мы вошли в тупой переулочок, но ѣсть все-таки нужно и мы будем ѣсть, что бы там ни разводили на бобах философы и сердитые старики..."

Эти слова Чехова мы приводим из письма его к С. А. Суворину от 4-го января 1898 года.

А когда с Чеховым заговорили о талантѣ Мопассана, котораго Чехов очень цѣнил, он сказал:—"Таланту подражать нельзя, потому что каждый настоящій талант есть нѣчто совершенно своеобразное. Золота искусственным путем не сдѣлаешь. Поэтому никто и никогда не мог подражать Мопассану. Как бы об этом ни говорили, будет то, да не то... — Как же все-таки формулировать талант? — спросил я.

— А никак. Талант есть талант и больше ничего". (Из записок Бор. Лазаревского А. П. Чехов. Личныя впечатлѣнія).

И иногда, говоря о некоторых вышедших из народа писателях самоучках, прибавлял: "Вот бы их только в университет поучиться, а то без образования нельзя".

"Чтобы стать настоящим писателем, — учил Чехов, — надо посвятить себя исключительно этому дѣлу. Дилетантство здѣсь, как и вездѣ, не даст уйти далеко. В этом искусствѣ, как во всяком, нужен талант, но и труд. Надо трудиться самым настоящим образом. И прежде всего над языком. Надо вдумываться в рѣчь, в слова, Вы обращали вниманіе на язык Толстого? Громадные періоды, предложенія нагромождены одно на другое. Не думайте, что это случайно, что это недостаток. Это искусство, и оно дается послѣ труда. Эти періоды производят впечатлѣніе силы"... "Вот, — сказал Чехов, — читаю Гоголя. Интересный язык, какая богатая мозаика!" Но больше всего Чехов восхищался языком Лермонтова. "Я не знаю языка лучше, чѣм у Лермонтова, — говорил он не раз. — "Я бы так сдѣлал: взял бы его рассказ и разбирал бы, как разбирают в школах, по предложеніям, по частям предложенія... Так бы и учился писать. А вы замѣчаете, — говорил он еще — как вообще развивается, улучшается язык? Замѣтили вы, как теперь выбрасывают слова, которые недавно считали невозможным опускать. Еще недавно, на примѣр, писали: нѣсколько лѣтъ т о м у назад; теперь же всѣ пишут: нѣсколько лѣтъ назад, выпускная слово т о м у. В газетах пишут очень небрежно, — про меня в Таганрогѣ печатают так: "Наш соотечественник Чехов". (С. Н. Щукин, Из воспоминаній об А. П. Чеховѣ).

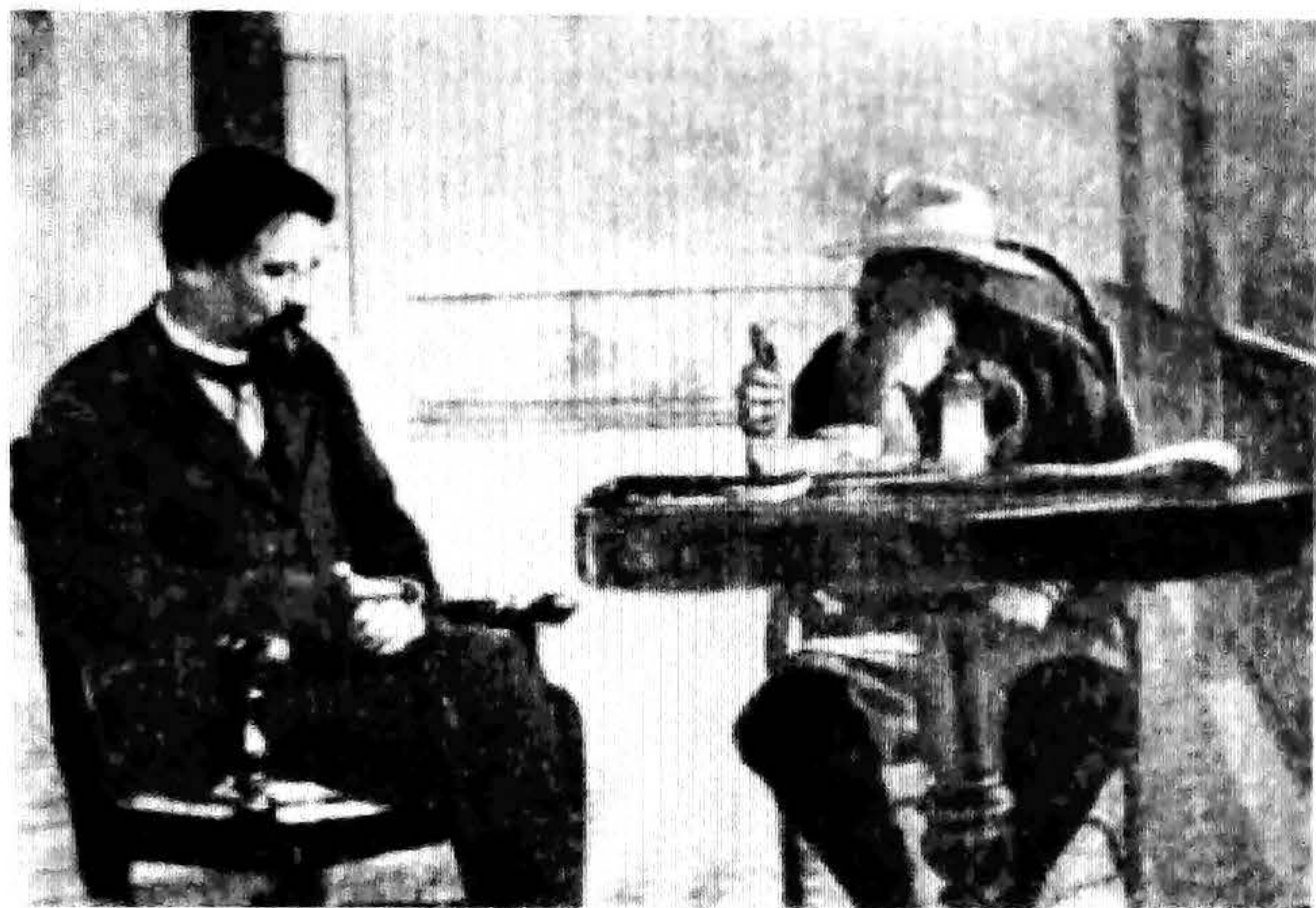
Т. Л. Щепкина-Куперник вспоминает о нем: ... Как-то, помню, по поводу одной моей повѣсти Чехов сказал мнѣ:

"Все хорошо, художественно. Но вот, на примѣр, у вас сказано: "...и она готова была благодарить судьбу, бѣдная дѣвочка, за испытаніе, посланное ей". А надо, чтобы читатель, прочитав, что она за испытаніе, благодарит судьбу, сам сказал бы: "бѣдная дѣвочка"... или у вас: "трогательно было видѣть эту картину" (как швея ухаживает за больной дѣвушкой). Надо, чтобы читатель сам сказал бы: "какая трогательная картина"... Вообще, любите своих героев, но никогда не говорите об этом вслух!"

А. В. Жиркевич, приславшій Чехову свой рассказ для критики, получил исчерпывающій отвѣтъ: "... Ваш рассказ мнѣ очень понравился. Это хорошая вполне интеллигентная, литературная вещь. Критиковать по существу положительно нечего, развѣ только по мелочам можно сдѣлать нѣсколько неважных замѣчаній... 1) Названіе рассказа "Против убѣжденія..." — неудачно: В нем нѣтъ простоты. В этих кавычках и трех точках в концѣ чувствуется изысканная претенціозность, и я подозреваю, что это заглавіе дал сам г. Стасюлевич. Я бы назвал рассказ каким-нибудь одним словом: "Розги", "Поручик".

2) Рутинныя приемы в описаніях природы. Рассказ должен начинаться с фразы: "Сомов, видимо, волновался". Все же, что раньше говорится о тучѣ, которая улеглась, и о воробьях, о полѣ, которое тянулось, — все это дань рутинѣ. Вы природу

чувствуете, но изображаете ее не так, как чувствуете. Описание природы должно быть прежде всего картинно, чтобы читатель прочитав и закрыв глаза, сразу мог вообразить себѣ изображаемый пейзаж, набор же таких моментов, как сумерки, цвѣтъ солнца, лужа, сырость, серебристость тополей, горизонт с тучей, воробьи, далекіе луга, — это не картина, ибо, при всем желаніи я никак не могу вообразить в стройном цѣлом всего этого. 3) Рутинность приѣмов вообще в описаніях: "Этажерка у стѣны пестрѣла книгами". Почему не сказать просто "этажерка с книгами". Томы Пушкина у вас "разъединяются", изданіе "Д. библіотеки", "прижато". И чего ради все это? Вы задерживаете вниманіе читателя и утомляете его, так как застав-

Чехов и Л. Н. Толстой в Гаспрѣ (1901 г.).

ляете его остановиться, чтобы вообразить пеструю этажерку или прижатого "Гамлета", — это раз; во вторых, все это не просто, манерно и, как приѣм, старовато. Теперь уж только одиѣ дамы пишут: "афиша гласила", "лицо, обрамленное волосами".

4) Провинціализмы, как "подборы", "хата", в небольшом рассказѣ кажутся шероховатыми, не только провинціализмы, но даже рѣдко употребляемые слова — вродѣ "разнокалиберный". 5) Дѣтство и страсти Господни изображены мило, но в том тонѣ, в каком они изображались уже очень много раз. Вот и все. Но все это такая мелочь. По поводу каждого в отдѣльности пункта Вы можете сказать: "Это дѣло вкуса" — и будете правы.

Своего брата, Ал. П. Чехова, Антон Павлович по-братски наставляя: "... Ты и в прозаических подчеркиваешь мелюзгу... А между тѣм ты не рожден субъективным писателем... Это не прожитое, а благопріобрѣтенное... Отречься от благопріобрѣтенной субъективности легко, как пить дать... Стоит быть

только почестнѣй: выбрасывать себя за борт всюду, не сосать себя в герои своего романа, отречься хоть на полчаса... Субъективность ужасная вещь. Она не хороша уже и тѣм, что выдает бѣднаго автора с руками и ногами... Не будь этой субъективности, этой чмыревщины, из тебя вышел бы художник полезнѣйшій..." Другое письмо ему же, А. П. кончает словами: "... самому сокращать *plus ultra* и самому передѣлывать. Чѣм больше сокращаешь, тѣм чаще печатают... Но самое главное: по возможности бди, блюди и пыхти, по пять раз переписывая, сокращая и прочь, памятуя, что весь Питер слѣдит за работой братьев Чеховых.

Очень взволнованное письмо А. П. Чехов написал Д. В. Григоровичу 28 марта 1886 г., в отвѣтъ на его весьма сочувственный отзыв о его рассказѣ: "Ваше письмо, мой добрый, горячо любимый благовѣститель, поразило меня, как молнія. Я едва не заплакал, разволновался и теперь чувствую, что оно оставило глубокий слѣд в моей душѣ. Как Вы приласкали мою молодость, так пусть Бог успокоит Вашу старость, я же не найду ни слов, ни дѣл, чтобы благодарить Вас. Вы знаете какими глазами обыкновенные люди глядят на таких избранников, как Вы; можете поэтому судить, что составляет для моего самолюбія Ваше письмо. Оно выше всякаго диплома, а для начинающаго писателя оно — гонорар за настоящее и будущее. Я как в чадѣ. Нѣтъ у меня сил судить, заслужена мною эта высокая награда или нѣтъ. Повторяю только, что она меня поразила.

Если у меня есть дар, который слѣдует уважать, то, каюсь перед чистотой Вашего сердца, я доселѣ не уважал его. Я чувствовал, что он у меня есть, но привык считать его ничтожным. Чтобы быть к себѣ несправедливым, крайне мнительным и подозрительным, для организма достаточно причин чисто внѣшняго свойства... А таких причин, как теперь припомню, у меня достаточно. Всѣ мои близкіе всегда относились снисходительно к моему авторству и не переставали дружески совѣтовать мнѣ не мѣнять настоящее дѣло на бумагомараніе. У меня в Москвѣ сотни знакомых, между ними десятка два пишущих, и я не могу припомнить ни одного, который читал бы меня или видѣл во мнѣ художника. В Москвѣ есть, так называемый, "литературный кружок": таланты и посредственности всяких возрастов и мастей собираются раз в недѣлю в кабинетъ ресторана и прогуливают здѣсь свои языки. Если пойти мнѣ туда и прочесть хотя кусочек из Вашего письма, то мнѣ засмѣются в лицо. За пять лѣтъ моего шатанья по газетам, я успѣлъ проникнуться этим общим взглядом на свою литературную мелкость, скоро привык снисходительно смотрѣть на свои работы и — пошла писать! Это первая причина — вторая — я врач и по уши втянулся в свою медицину, так что поговорка о двух зайцах никому другому не мѣшала так спать, как мнѣ.

Пишу все это для того, чтобы хотя немного оправдаться перед Вами в своем тяжком грѣхѣ. Доселѣ относился я к своей литературной работѣ крайнѣ легкомысленно, небрежно, зря. Не помню я ни одного своего рассказа, над которым я

- работал бы больше суток, а "Егерь", который Вам понравился, я писал в купальнѣ... Первое, что толкнуло меня к самокритикѣ, было очень любезное и насколько я понимаю, искреннее письмо Суворина. Я начал собираться написать что-нибудь путевое, но все-таки вѣры в собственную литературную путевость у меня не было.

Но вот неожиданно-негаданно явилось ко мнѣ Ваше письмо. Простите за сравненіе, оно подѣйствовало на меня, как губернаторскій приказ "выѣхать из города в 24 часа!" т. е. я вдруг почувствовал обязательную потребность спѣшить, скорѣе выбраться оттуда, куда завяз...

Простите за длинное письмо и не вѣняйте человѣку в вину, что он первый раз в жизни дерзнул побаловать себя таким наслажденіем, как письмо к Григоровичу. Пришлите мнѣ, если можно, вашу карточку. Я так обласкан и взбудоражен Вами, что кажется не лист, а цѣлую стопу написал бы Вам. Дай Бог Вам счастья и здоровья, и вѣрьте искренности глубоко уважающаго Вас и благодарнаго А. Чехова".

Это письмо Григоровича произвело на Чехова, как мы видим, очень сильное впечатлѣніе, он осознал, какую ответственность налагает на него талант, как много ждут от него не только читатели, но и писатели старшаго поколѣнія.

В письмѣ Чехова к Д. В. Григоровичу от 12 февраля 1887 года, мы видим как Чехов уже сам разбирает рассказ Григоровича "Сон Карелина", о котором говорит: "и меня теперь сильно занимает вопрос: насколько изображенный Вами сон есть сон? И мнѣ кажется, что мозговая работа и общее чувство спящаго человѣка переданы Вами замѣчательно художественно и физиологически вѣрно. Конечно, сон — явленіе субъективное и внутреннюю сторону же его, можно наблюдать только на самом себѣ, но так как процесс сновидѣнія у всѣх людей одинаков, то, мнѣ кажется, каждый читатель может мѣрить Карелина на свой собственный аршин, и каждый критик поневолѣ должен быть субъективен. Я сужу на основаніи своих снов, которые часто вижу... При моем стараніи в рассказѣ я мог уловить только два неважных пятнышка, да и то с натяжкой: 1) характеристики лиц прерывают картину сна и дают впечатлѣніе объяснительных надписей, которыя в садах прибавляются к деревьям учеными садовниками и портят пейзажи, 2) в началѣ рассказа чувство холода нѣсколько притупляется в читателѣ и входит в привычку от частото повторенія слова "холод".

Больше я ничего не мог найти и сознаю, что в моем литераторском существованіи когда чувствуется постоянная потребность в освѣжающих образчиках, "Сон Карелина" составляет явленіе блестящее. Потому-то вот я не воздержался и дерзнул передать Вам частицу моих впечатлѣній и мыслей..."

Отзывался Чехов и на просьбы поэтов дать сужденіе о их стихах, так И. А. Бѣлоусова Чехов благодарит за присланную ему книгу перевода Шевченко и находит, что Бѣлоусов достоин званія поэта, но главный недостаток он видит в слишком

малом объемѣ книги. "Поэт, если он талантлив берет не только качеством, но и количеством, а из Вашего сборника трудно составить себѣ понятіе ни о Вашей, ни о шевченковской физіонміи....."

В стихѣ есть шерховатости. Напримѣр:

"Иль один от скуки ради..." — Два предлога: от и ради...

Или: "Бесѣдуют два часовых" — Толкуют двое часовых — было бы звучнѣе и литературнѣе...

Или: "Течет рѣчка, край города, и слова "талана", "батъка" и проч. Это уже не строгій перевод, и т. д.

Н. А. Лейкину Чехов писал: "... Ваш "Айвазовскій" мнѣ так понравился, что я послал его своему домохозяину, а сей послѣдній — любитель веселаго чтенія — снес его в клиники, гдѣ и читал вслух

Критика: у Вас "На охотѣ" охотники стрѣляют куропаток в лѣсу. Куропатки бывают на опушкѣ лѣса, а в лѣсу на деревьях никогда..."

Ал. П. Чехову Антон Павлович давал полезные совѣты насчет писанія пьес. Так, на страницах письма от 8 мая 1889 года он пишет: "... Теперь о твоей пьесѣ. Ты задался цѣлью изобразить неноющаго человѣка и испужался. Задача представляется мнѣ ясной. Не ноет только тот, кто равнодушен. Равнодушны же или философы, или мелкія, эгоистическія натуры. К послѣдним должно отнестись отрицательно, а к первым положительно. Конечно, о тѣх равнодушных тупицах, которым не причиняет боли даже прижиганіе раскаленным желѣзом, не может быть и рѣчи. Если же под неноющим ты разумѣешь человѣка не равнодушнаго к окружающей жизни и бодро и терпѣливо сносящаго удары судьбы и с надеждою взирающаго на будущее, то и тут задача ясна. Множество передѣлок не должно смущать тебя, ибо чѣм мозаичнѣе работа, тѣм лучше. От этого характеры в пьесѣ только выигрывают. Главное берегись личнаго элемента. Пьеса нигде не будет годиться, если всѣ дѣйствующія лица будут похожи на тебя. В этом отношеніи твоя "Копилка" безобразна и возбуждает чувство досады. К чему Наташа, Коля, Тося? точно внѣ тебя нѣтъ жизни? И кому интересно знать мою и твою жизнь, мои и твои мысли? Людям давай людей, а не самого себя.

Берегись изысканнаго языка. Язык должен быть прост и изящен. Лакеи должны говорить просто, без пущай и без те-перича. Отставные капитаны с красными носами, пьющіе репортеры, голодающіе писатели, чахоточныя жены-труженицы, честные молодые люди без единого пятнышка, возвышенныя дѣвицы, добродушныя няни, все это уже было описано и должно быть объѣзжаемо, как яма. Первый акт может тянуться хоть цѣлый час, но остальные не больше 30 минут. Гвоздь пьесы — III акт, но не настолько гвоздь, чтобы убить послѣдній акт..."

.... Антон Павлович смотрѣлъ как-то "Дядю Ваню".

Там в третьем актѣ Соня, на словах: "Надо быть милосердным", останавливается на волѣх и цѣловала руку отца.

“Этого же не надо дѣлать, это вѣдь не драма — сказал А. П. — Весь смысл и вся драма человека внутри, а не во вѣшних проявленіях. Драма была в жизни Сони до этого момента, драма будет послѣ, а это простой случай, продолженіе выстрѣла. А выстрѣл вѣдь не драма, а случай”.

“Я никогда не видѣл, — говорил он, — как ставятся мои пьесы в провинціи... Но воображаю! Я вообще думаю, что ни одна пьеса даже самым талантливым режиссером не может быть поставлена без личного руководства и личных указаній

Дача Чехова в Ялтѣ.

автора... Необходимо, чтобы настроеніе получилось именно такое, какое имѣл в виду автор.

“Вот хотя бы “Вишневый сад”... Развѣ это мой “Вишневый сад”? Развѣ это мои типы?... За исключеніем двух-трех исполнителей — все это не мое... Я пишу жизнь... Это сѣренькая обывательская жизнь... Но это не пудное пылье. Меня то дѣлают плаксою, то просто скучным писателем... А я написал нѣсколько томов веселых рассказов... И критика рядит меня в какіе-то плакальщики. Выдумывают на меня из своей головы, что им самим хочется, а я этого и не думал и во снѣ не видал... Меня начинает злить это...”

Эти слова Чехова, записанныя Евт. Карповым, мы встрѣчаем в его воспоминааніях: “Два послѣднія встрѣчи с Чеховым”.

Говоря о языкѣ, Чехов совѣтует: “Избѣгайте вы всяких терминов особенно скоропроходящих. Нѣкоторые слова через пять-шесть лѣтъ совсѣм уничтожаются и потом звучат в рассказѣ или в пьесѣ ужасно дико. Вы знаете, не так давно, в Воронежѣ, я смотрѣл свой водевиль “Медвѣдь” и от слова “турпюр” пришел в ужас. Теперь это слово уже не существует, и в новом изданіи я его вычеркнул.

“Для того, чтобы подчеркнуть бѣдность просительницы, не нужно тратить много слов, не нужно говорить о ея жалком,

несчастном видѣ, а слѣдует только вскользь сказать, что она была в рыжей тальмѣ".

"Искусство писать, — говорил он мнѣ, — состоит собственно не в искусствѣ писать, а в искусствѣ... вычеркивать плохо написанное", записал А. С. Лазарев-Грузинскій.

... Между прочим Чехова очень сердило, — говорит А. Л. Вишневскій в своих "Клочки воспоминаній", — что в одном провинціальном театрѣ дядю Ваню изобразили опустившимся помѣщиком, — то есть грязным, лохматым, в смазных сапогах.

— А как же он должен быть? — спросили его.

— Да у меня же там все подробно написано! — отвѣчал он.

А это "подробно" заключалось в ремаркѣ с указаніем на то, что у дяди Вани шелковый галстук. Чехов считал, что этого совершенно достаточно для обозначенія его одежды.

К. С. Станиславскій вспоминает — "... В четвертом актѣ "Трех сестер" опустившійся Андрей, разговаривая с Ферапонтом, так как никто с ним больше не желал разговаривать, описывает ему, что такое жена с точки зрѣнія провинціальнаго, опустившагося человѣка. Это был великолѣпный монолог страницы в двѣ. Вдруг мы получаем записочку, в которой говорится, что весь этот монолог надо вычеркнуть и замѣнить его всего лишь тремя словами:

"Жена есть жена!"

Амфитеатров записал:

"... Чехов буквально одною смѣшливою фразой отвалил меня навсегда от производства фантастических разсказов, в которых я, одно время смолodu, набил было руку...

"Послушайте же: это — опера. Апофеоз с бенгальскими огнями".

Е. Н. Чириков пишет: "... Когда я написал пьесу "Новая жизнь", я показал ее А. П. "Зачѣм такое заглавіе, — сказал он. — Вот теперь я буду ждать от Вас и требовать этой "новой жизни". Проще надо... чтобы придраться к этому нельзя было".

А. Сереброву Чехов однажды сказал, нервно покручивая шнурок от пенсиз: "Море смѣялось", — Вы конечно, в восторгѣ!.. Вот Вы прочитали "море смѣялось" и остановились. Вы думаете остановились потому, что это хорошо, художественно. Да нѣтъ же. Вы остановились потому, что сразу не поняли, как это так: море — и вдруг смѣется? Море не смѣется, не плачет, оно шумит, плещется, сверкает... Посмотрите у Толстого: солнце всходит, солнце заходит... птички поют. Никто не рыдает и не смѣется. А вѣдь это и есть самое главное — простота".

Ему же Чехов писал: "прежде всего, друзья мои, не надо лжи... Искусство тѣм особенно и хорошо, что в нем нельзя лгать... Можно лгать в любви, в политикѣ, можно обмануть людей и самого Господа Бога — были и такіе случаи — но в искусствѣ обмануть нельзя..."

Чехов говорил Л. А. Авилловой: "Надо писать то, что видишь, то, что чувствуешь, правдиво, искренно. Меня часто спрашивают, что я хотѣл сказать тѣм или другим разсказом. На эти вопросы я не отвѣчаю. Мое дѣло писать. И я могу писать

про все, что вам угодно, — прибавил он с улыбкой. — Скажите мнѣ написать про эту бутылку, и будет рассказ под таким заглавием: "Бутылка". Живые образы создают мысль, а мысль не создает образа".

Д. Городецкому Чехов совѣтовал быть проще: "Не надо ни натурализма, ни реализма. Не надо подгонять ни под какія рамки. Надо, чтобы жизнь была такая, какая она есть, и люди такіе какіе они есть, а не ходульные".

"Писателю все нужно знать, все изучать, чтобы не впадать в ошибки, — сказал Чехов подходя к корзинѣ с цвѣтами и пристально их рассматривая. — Чтобы не было фальши, которая корбит и подрывает авторитет. Вот наш беллетрист Н., специалист по описанію красот природы, пишет: "Она жадно вдыхала опьяняющій аромат анемонов". А анемоны-то совсѣм без запаха. Нельзя сказать душистыя кисти сирени рядом с розовыми цвѣтами шиповника, или: соловей пѣл на вѣткѣ благоухающей, цвѣтущей липы — это не правда: шиповник цвѣтет позднѣе сирени, а соловей умолкает раньше цвѣтенія липы. Наш удѣл писателя наблюдать, слѣдить за всѣм..."

Эти слова Чехова подтверждаются его обращеніем к пришедшему к нему И. Л. Шеглову: "... Вы пришли как нельзя болѣе кстати и должны мнѣ помочь. Я сейчас описываю путешествіе артиллерійской бригады и боюсь как бы гдѣ не наврать. Вот, будьте добры, как бывший артиллерист, внимательно протудируйте эту страничку".

Влад. Тихонов в своих воспоминаніях о Чеховѣ, говорит: "... Антон Павлович в то время любил о литературѣ говорить и любил повторять, что всѣм нам нужно писать и как можно больше писать. "Авось всѣ вмѣстѣ что-нибудь да и напишем сообща".

И. Бунин вспоминает о Чеховѣ: "Нѣтъ, это все новое московское искусство — вздор, — говорил он. — Помню в Таганрогѣ я видѣл вывѣску: "Заведеніе искусственных минеральных вод". Вот и это то же самое. Ново только то, что талантливо, что талантливо, то ново".

А. Серебров вспоминает свой разговор с А. П. — "... Я знал, что Чехов любит и цѣнит Горькаго и со своей стороны не покулился на похвалы автору "Буревѣстника". Вскорѣ я просто задыхался от междометій и восклицательных знаков.

"Извините... Я не понимаю... — оборвал меня Чехов с непріятной вѣжливостью человѣка, которому наступили на ногу, — Вот вам всѣм нравится его "Буревѣстник" и "Пѣснь о Соколѣ"... Я знаю, вы мнѣ скажете: политика! Но какая же это политика? "Вперед без страха и сомнѣнія!" — это еще не политика. А куда вперед — неизвѣстно?! Если ты зовешь вперед, надо указать цѣль, дорогу, средства. Одним "безумством храбрых" в политикѣ никогда и ничего еще не дѣлалось".

И дальше: "... Да нѣтъ! — отмахиваясь от меня, как от табачнаго дыма, сердился Чехов. — Вы совсѣм не то цѣните в Горьком, что надо. А у него дѣйствительно есть прекрасныя вещи. "На плотях", напримѣр. Помните? Плынут в туманѣ..."

ночью... по Волгѣ... Чудесный рассказ. Во всей нашей литературѣ я знаю только еще один такой, это "Тамань" Лермонтова..."

А сам Горькій писал о Чеховѣ: "Как стилист, Чехов недосыгаем, и будущій историк литературы, говоря о ростѣ русскаго языка, скажет, что этот язык создали Пушкин, Тургенев и Чехов"...

Чехов печатался во всѣх періодических изданіях, куда его приглашали, и на частыя на него нападки за это, он отвѣчал: "Далось им "Новое Время". Вѣдь поймите же, тут может быть такой расчет... у газеты пятьдесят тысяч читателей: я говорю не о "Новом Времени", а вообще о газетѣ; этим пятидесяти, сорока, тридцати тысячам гораздо полезнѣе прочитать в фельетонѣ пятьсот моих безвредных строк, чѣм тѣ пятьсот вредных, которыя будут идти в фельетонѣ, если своих я не дам. Вѣдь это же ясно! Поэтому я буду писать рѣшительно в каждой газетѣ, куда меня пригласят..." (А. Грузинскій о Чеховѣ).

Чехову всегда хотѣлось самому издавать газету.

"-- И именно дешевая газета. Четыре рубля в год. Такая газета необходима.

— Народная?

— Что значит народная? Мы все народ. Не народная, а доступная для всѣх: и для крестьянина, и для тайнаго совѣтника, — для кого угодно. Вот образец: "Журнал для всѣх". Прекрасно ведется. Все его читают. Вот это в самом дѣлѣ народный журнал. А специфически народнаго журнала не должно быть. Я тоже вѣдь из народа, если хотите, мой дѣд вѣдь — простой крестьянин. А между тѣм, специфическаго "народнаго" журнала читать не стану". (Из воспоминаній В. Ермилова — Свѣтлой памяти Чехова — "Рампа и жизнь".)

Разговаривая как-то с Телешевым, который жаловался на отсутствіе сюжетов для рассказов, Чехов настаивал: "Как так сюжетов нѣтъ? Да все сюжет, вездѣ сюжет. Вот посмотрите на эту стѣну. Ничего интереснаго в ней, кажется, нѣтъ. Но вы взгляните в нее, найдите в ней что-нибудь свое, чего никто еще в ней не находил, и опишите это. Увѣряю вас, хорошій рассказ может получиться. И будет интересно. Только надо все-таки увидеть и в лунѣ что-нибудь свое, а не чужое и не избитое.

А вот это развѣ не сюжет? — указал он в окошко на улицу, гдѣ стало уже свѣтать. — Вон смотрите: — идет монах с кружкой собирать на колокол... Развѣ не чувствуете, как сама завязывается хорошая тема?... Тут есть что-то трагическое — в черном монахѣ на блѣдном разсвѣтѣ..."

А к шаблону Чехов питал почти физическое отвращеніе. Об одном из общих знакомых он рассказывал А. Грузинскому: "Взял я прочесть рассказ Н. Н. Начинается так: "Мороз крѣпчал". Дальше я не стал читать, бросил".

М. И. Первухину Чехов совѣтовал: "... А вы — работайте. Но только будьте, ради Христа, построже к себѣ. Бойтесь, чтобы послѣ не пришлось отречься от написаннаго. Над каждою

фразой думайте. Каждое слово обдумывайте. Если не любите литературы, — лучше уйдите”.

Насколько Чехов стоял за оригинальность названий, тем, приемов, построения фразы видно из его слов, сказанных А. С. Лазареву-Грузинскому: “Скучно писать все о людях да о людях, говорил он не раз. — Если вы написали три рассказа о людях, пишите четвертый о лошади, о собаке, о кошке. Пусть он будет хуже тех, в которых вы писали о людях; его прочтут с большим интересом”.

Не вспоминается ли нам сейчас “Каштанка” Чехова?

Чехов всегда настаивал на необходимости для молодого писателя работать как можно больше и однажды он сказал Бор. Лазаревскому:

“Печатать можно и немного, но писать слѣдует как можно больше. К тридцати годам обязательно нужно опредѣлиться: все опредѣлялись к тому времени. Исключеніе составляет Сервантес... Да и невозможно было ему раньше писать, а потом тоже очень трудно — в тюрьмѣ бумаги не давали. Знаете, как нужно писать, чтобы вышла хорошая повѣсть? В ней не должно быть ничего лишняго. Вот как на военном кораблѣ на палубѣ: там нѣтъ ничего лишняго — так слѣдует дѣлать и в рассказѣ...”

Б. А. Щетинин вспоминает свой разговор с А. П. о Толстом.

“Я недавно был у него в Ясной Полянѣ, — заговорил Чехов, и сумрачное лицо его вдруг просвѣтлѣло. — Какой же это интересный человек! если попробовать его изучать, то можно в нем провалиться, как в бездонном колодезь. А какая сила духовная! Когда говоришь с ним, чувствуешь себя в полной его власти... Я не встрѣчал людей болѣе обаятельных и болѣе, так сказать, гармонически созданных. Он весь гармонія и красота. В его плѣнительном духовном образѣ нѣтъ ни одной черточки, ни малѣйшаго штриха недоконченнаго: все в нем опредѣленно, точно и ясно до послѣдней степени. Это человек почти совершенный. Близорукіе критики указывают на раздвоенность будто бы в его натурѣ, говорят, что художник в нем одно, а философ другое и что оба эти начала, якобы враждуют между собой. Какой вздор! Толстой столько же философ в художественном творествѣ, сколько художник в философіи... Это удивительно цѣльная натура”.

Но несмотря на такое пресклоненіе перед Толстым, как и философом, Чехов не принимает его сужденій о непротивленіи злу, что мы видим из разговора его с Лоэнгрином (псевд. П. Т. Герцо-Виноградскаго).

— Толстой — это, может быть, высшая философія, это величайшій альтруизм, но к жизни это непримѣнимо. Есть миллионы случаев, когда на оскорбленія люди должны отвѣчать оскорбленіями, не могут не отвѣчать. Борьба за святыя права личности должна быть вездѣ, и безправственно, если бы ее не было.

— Но борьба — вѣдь это потоки крови, — отвѣтил я...

— Но позвольте, гдѣ же не было этой крови? Возьмите

всю исторію, развѣ вы не видите, что она вся залита кровью? Эти войны, эти движенія... И через эту кровь человечество идет к лучшему. Есть в этом фатальная необходимость. Воюющія стороны не так-то легко отдают свои права..."

Болѣзнью Толстого Чехов был очень взволнован. Бор. Лазаревскій вспоминает: "... Я зашел к Чехову попрощаться. Антон Павлович ходил по кабинету взад и вперед и, увидѣв меня, сказал взволнованным голосом:

— Знаете, скверная новость...

— А что такое?

— Последнія извѣстія, что Толстому хуже. Умрет, должно быть. Вѣдь этакій он колосс в искусствѣ! Знаете, есть люди, которые боятся дѣлать гадости только потому, что жив еще Толстой..."

При встрѣчѣ с Альтшуллером, Чехов воскликнул: "Бѣда, если Толстой умрет; нам, русским литераторам, без него плохо будет".

А Толстой в свою очередь говорил о Чеховѣ:

"Чехова, как художника, нельзя даже и сравнивать с прежними русскими писателями — с Тургеневым, с Достоевским, со мной. У Чехова своя собственная форма... И вот еще наивѣрнѣйшій признак, что Чехов истинный художник: его можно перечитывать нѣсколько раз"...

Приведенныя выше нѣсколько выдержек из писем Чехова, закончим словом самого А. П., обращеннаго к "пишущей братіи".

На просьбу К. С. Баранцевича к Чехову, участвовать в сборникѣ рассказов "Памяти Гаршина", Антон Павлович отвѣтил:

"... Что касается сборника "Памяти Гаршина", то я могу только пожать Вам руку и поблагодарить. Мысль Ваша заслуживает и сочувствія и уваженія уж по одному тому, что подобныя мысли, помимо их прямой цѣли, служат еще связующим цементом для немногочисленной, но живущей вразброс и в одиночку пишущей братіи. Чѣм болѣе сплоченности, взаимной поддержки, тѣм скорѣе мы научимся уважать и нѣнить друг друга, тѣм больше правды будет в наших взаимных отношеніях. Не всѣх нас ожидает в будущем счастье. Не надо быть пророком, чтобы сказать, что горя и боли будет больше, чѣм покоя и денег. Потому-то нам нужно держаться друг за друга, и потому-то мнѣ симпатична Ваша мысль и Ваше последнее письмо, в котором Вы так любите Гаршина".

Этим "словом" Антона Павловича к Баранцевичу и, как-бы дружески обращенному и ко всей "пишущей братіи", в котором выявился весь Чехов с его доброжелательной и прозорливой душой, мы оканчиваем чтеніе нѣскольких выдержек из его писем, гдѣ, как и в произведеніях А. П. Чехова, искрится его ум, острота мысли и блестящій стиль.

А. Горская.